

УДК 398.8
DOI 10.17223/18137083/59/2

Е. И. Исмагилова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Современное состояние песенного фольклора чувашей Сибири

Рассматривается степень сохранности чувашско-сибирской песенной традиции, ее жанровый состав и локальные особенности. Несмотря на неизбежный процесс утраты, чувашский песенный фольклор на сибирской земле сохранялся на протяжении всего XX в.; его отдельные произведения бытуют вплоть до настоящего времени. Лучшей степенью сохранности отличаются жанры необрядового фольклора – гостевые и лирические песни, чувашские частушки. Выявлены также локальные особенности изучаемой традиции: популярность переселенческих песен и песен с заимствованными сюжетами и напевами, наличие двуязычных песен, звучащих на чувашском и русском языках. Исследование основано на полевых аудиоматериалах, записанных в начале XXI в.

Ключевые слова: фольклор сибирских переселенцев, музыкальный фольклор чувашей, песенный фольклор, «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

В настоящее время в Институте филологии СО РАН проводится исследование песенного фольклора чувашских переселенцев, проживающих в Сибири. Чувашши широко расселены в различных областях сибирского региона, их численность – несколько десятков тысяч человек¹. Известно, что наиболее многочисленные и активные миграции чувашей из Поволжья за Урал пришлось преимущественно на 1910–1920-е гг. [Коровушкин и др., 2003, с. 28–38]. Традиционная культура, язык и фольклор сибирских чувашей в течение всего XX в. сохранялись и развивались в условиях наиболее удаленной от метрополии диаспоры.

Исследование песенной традиции сибирских чувашей необходимо для составления более полного и адекватного представления о мультикультурном фольклорном ландшафте Сибири, поскольку фольклорные традиции сибирских переселенцев являются его неотъемлемой частью. Кроме того, рассмотрение на-

¹ По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Сибирском федеральном округе проживало 40 527 чувашей, см.: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.01.2017).

Исмагилова Екатерина Игоревна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; zhimul@ngs.ru)

родно-певческой культуры чувашей Сибири предоставляет возможность для изучения механизмов адаптации фольклорной традиции в условиях иноэтнического окружения – диаспоры. В настоящей статье впервые дается подробная характеристика современного состояния чувашско-сибирской песенной традиции; исследование базируется на неопубликованных экспедиционных аудиоматериалах, записанных в начале XXI в. Результаты работы могут быть использованы для проведения сравнительного анализа песенной традиции сибирских чувашей и народно-песенной культуры чувашской метрополии, будут важны для готовящейся публикации всего корпуса нотированных песенных текстов² и, возможно, будут способствовать возрождению в тех или иных формах народно-исполнительской традиции чувашей Сибири.

Предпосылки для изучения и публикации чувашского фольклора в Сибири существовали и ранее. Первым собирателем песенного фольклора сибирских чувашей явился Степан Максимович Максимов – известный чувашский композитор и музыкальный деятель, исследователь народной музыки, приезжавший из Чебоксар в Кемеровскую область (с. Михайловка Киселевского, ныне Прокопьевского района) в 1951 г. [Кондратьев, 2002, с. 297]. Им были выполнены слуховые записи 43 песен разных жанров³.

В середине 1990-х гг. традиционная музыка сибирских чувашей становится предметом внимания новосибирских фольклористов: в 1992–1993 гг. в Колыванском районе Новосибирской области М. М. Андреева записала несколько десятков чувашских песен сибирского бытования; в 1997 г. в составе трехтомника «Музыкальная культура Сибири» был опубликован ее очерк «Чувашский фольклор» [Андреева, 1997].

С 2002 г. начинается системная работа по сбору и исследованию традиционной культуры, прежде всего песенной традиции, сибирских чувашей по инициативе и под руководством Н. В. Леоновой [Жимулева, 2008; Леонова, 2015]. Было совершено тринадцать экспедиций в разные районы Новосибирской, Тюменской, Кемеровской, Омской, Томской областей, Красноярского и Алтайского краев. Более основательному обследованию подверглись чувашские населенные пункты Новосибирской и Тюменской областей, поскольку вследствие компактного проживания в них больших групп чувашского населения уровень сохранности традиционной культуры и языка в них в целом выше, чем в других местностях [Жимулева, 2007; Матвеев, Федотова, 2016]. В полевых исследованиях принимали участие преподаватели, выпускники и студенты Новосибирской государственной консерватории (Н. В. Леонова, Е. И. Исмаилова (Жимулева), М. М. Андреева, Н. А. Урсегова, А. В. Журба, А. А. Мицкая, В. Л. Скакун и др.), Чувашского государственного института гуманитарных наук (Г. Б. Матвеев, Е. В. Федотова (Ермилова)), Казанской государственной консерватории (А. Кузнецова).

К настоящему моменту собрано значительное количество аудио- и видеозаписей исполнения песенных образцов, а также большой объем разнообразной информации об этнографическом контексте бытования песен сибирских чувашей⁴. На основе имеющихся материалов можно составить представление о том, какие жанры чувашского фольклора бытовали в Сибири на протяжении XX в. (в отдельных случаях бытуют вплоть до 2010-х гг.) и подсчитать их примерное коли-

² На основе рассмотренных образцов в настоящее время осуществляется подготовка тома «Песенный фольклор чувашей Сибири» 60-томной академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

³ В настоящее время эти песни недоступны для исследования и публикации, поскольку их рукописные нотировки находятся в личном архиве потомков Максимова.

⁴ Полевые материалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук и в личных архивах собирателей.

чество. Информация о разнообразии и количестве традиционных жанров чувашской песенной культуры, зафиксированных в Сибири, содержится в табл. 1.

Таблица 1

Традиционные чувашские песенные жанры, зафиксированные в Сибири
Traditional Chuvash song genres recorded in Siberia

Жанровое обозначение		Количество песенных образцов
Приуроченные жанры (102 образца)		
Календарные песни	Новогодние припевки <i>Сурхури юррисем</i>	1
	Масленичные песни <i>Џаварни юррисем</i>	18
	Песни, поющиеся при проведении конных скачек, <i>Сёрен юррисем</i>	2
	Хороводные песни <i>Уяв (вйй) юррисем (Петровские песни)</i>	24
Семейные песни	Свадебные <i>Туй юррисем</i> (песни, припевки, плач невесты)	30
	Рекрутские песни <i>Некрут юррисем</i>	27
Неприуроченные жанры (225 образцов)		
Гостевые песни (в том числе застольные, провожальные)		74
Традиционные лирические <i>Вором юррисем</i> (молодежные, любовные, сиротские и т. п.)		57
Поздние лирические песни		51
Чувашские частушки		60
Шуточные песни		5
Детские игровые песни		3
Припевки под пляску		23

Известный нам чувашский материал, собранный в разных областях сибирского региона, в целом укладывается в единую жанровую систему, представленную в табл. 1. Можно заметить, что количество образцов жанров неприуроченного фольклора более чем в два раза превышает число песенных образцов, имеющих обрядовую приуроченность. Это представляется закономерным, поскольку в большинстве случаев календарный и семейный фольклор перешел в практику пассивного хранения, т. е. сохраняется лишь в памяти носителей традиции, вместе с подробными и красочными воспоминаниями об обрядовых контекстах исполнения этих песен, и почти не звучит в живом бытовании. Представительницы старшего (иногда среднего) возраста охотно делятся рассказами о проведении новогодних и рождественских поздравительных обходов, о масленичных гуляньях, о праздновании Пасхи и о пении хороводных песен весенне-летнего периода, а также о совершении свадебного и похоронного обрядов, однако песни, сопровождающие эти ритуалы, вспомнить и воспроизвести могут очень немногие. Исключение составляет, пожалуй, исполнение рекрутских песен, обычай пения ко-

торых во время проводов новобранцев в армию в отдельных местностях просуществовал вплоть до 1990-х гг. [Исмагилова, 2012, с. 265].

Песенные образцы, не имеющие четкой приуроченности, звучащие во время застолий и вообще в любое время: гостевые⁵, лирические, в том числе поздние, чувашские частушки (краткие однострофные композиции с традиционными чувашскими напевами), шуточные и детские песни, припевки под пляску – сохранились в большем количестве. Многие из перечисленных жанров активно бытовали вплоть до настоящего времени. Это обусловлено их независимостью от обрядовой практики, в силу разных причин становящейся невостребованной в XX в., и актуальностью песен этих жанров для современных носителей традиции.

Подчеркнем, что количество образцов, относимых к тому или иному жанру, не всегда можно определить точно. Причиной тому – не во всех случаях однозначно очевидная жанровая принадлежность ряда образцов. Особенно это касается жанров неприуроченного фольклора. Народные исполнители зачастую называют частушками все краткие песни, независимо от их содержательных и функциональных особенностей. Так, например, носители традиции могут назвать частушками все весенне-летние хороводные песни праздника *Уяв* из-за краткости, афористичности их структур. У отдельных исполнителей (например, у Клавдии Павловны Акимовой, с. Сидоровка Колыванского района Новосибирской области) нередко целый ряд песен разной жанровой приуроченности звучит с одним типовым напевом. Очевидно, что в подобных случаях музыкальные закономерности становятся определяющими и выходят на первый план, подчиняя себе тексты и функциональную приуроченность песен.

При том что проживающие на материковой территории чуваша делятся на три диалектные группы (*вирьял* – верховые, *анатри* – низовые, *анат-енчи* – средне-низовые), сибирские чуваша, как правило, уже почти не помнят свою принадлежность к диалектным группам (говорят, что они *сибирские*). Принадлежность носителей традиции к одной из указанных диалектных групп можно установить косвенно, по этнографической информации, полученной от них. Так, например, о том, что опрошенные нами потомки чувашских переселенцев, проживающие в Тарском и Муромцевском районах Омской области, относятся к чувашам-вирьял, мы смогли выяснить благодаря иному, нежели в других местностях, названию праздника Рождества (*Сурхури*, а не *Раиштав*) и ряду других этнографических деталей в рассказах о праздниках, а также по напевам календарно-приуроченных песен⁶ и особенностям сохранившихся на фотоснимках народных костюмов. В целом же существенно преобладает материал, записанный от потомков низовых чувашей.

Известно, что чувашская народная музыка на протяжении нескольких столетий активно контактировала с другими музыкальными культурами, в частности с русской [Кондратьев, 2003]. Среди результатов этого взаимодействия – заимствованные сюжеты, напевы и целые жанры из русской традиционной музыки. Этот процесс, начавшийся еще на материковой территории этноса, продолжился

⁵ Истоки гостевых песен находятся в дохристианских семейных обрядах, проводимых осенью и посвященных древним божествам и предкам. В процессе их совершения члены одного рода встречались, устраивали застолье и праздновали окончание сельскохозяйственного года. В настоящее время эти обряды практически прекратили свое существование. Сложившиеся же в их ритуальном контексте песни стали исполняться во время любых праздников и застолий, утратив таким образом свою обрядовую и временную приуроченность (информация получена от М. Г. Кондратьева).

⁶ От потомков чувашей-вирьял был записан единственный образец новогодней припевки *Сурхури юрри*; в других местностях фиксировались в основном исполнявшиеся во время зимних поздравительных обходов фольклоризованные рождественские песнопения (тропарь и кондак Рождества).

и на новых местах проживания чувашей. Так, в различных областях сибирского региона были зафиксированы чувашские варианты русских песен поздней традиции (конец XIX – первые десятилетия XX в.), звучащие с текстами на чувашском языке [Исмагилова, 2013], а также русские частушки, православные песнопения, бытующие в фольклорной среде, и единственный образец похоронно-поминального духовного стиха [Жимулева, 2009]. Подробнее о жанрах, заимствованных из русской традиционной музыки, см. в табл. 2.

Таблица 2

Жанры, заимствованные из русской традиционной музыки
Genres borrowed from Russian traditional music

Жанровое обозначение	Количество песенных образцов
Русские частушки	35
Поздние лирические песни	12
Духовный стих	1
Фольклоризованные православные песнопения	21
Всего	117

В связи с весьма широким распространением заимствованных жанров перед исследователями встает вопрос, насколько глубоко и прочно они вошли в песенную традицию чувашей. На наш взгляд, зафиксированные нами лирические песни с чувашскими текстами и напевами русских песен поздней традиции («Где летал по свету, ворон», «Александровский централ», «Кирпичики») принадлежат уже чувашской фольклорной традиции, поскольку их текстовая основа в большинстве случаев заметно трансформируется чувашскими народными исполнителями: в русские по происхождению тексты вносятся чувашская образность и характерные поэтические приемы, заимствуются и переосмысливаются сюжеты из других русских песен, создаются новые тексты [Исмагилова, 2013]. Подобное утверждение справедливо также и по отношению к духовному стиху, текст которого содержит яркие образы чувашской народной поэзии (золотые птицы, медовые реки). Интересно, что сами носители традиции уверены в том, что все эти произведения – чувашские.

*Виçĕ ангел сұлтала килеççĕ
Такър мар сұлтала килеççĕ
Пире ... рая ис кашин, ис кашин.
Рай сырми, пыл сырми,
Пыл сырмисем юхаççĕ.
Пыл сырми варринче
Ладан йывăçсем лараççĕ.
Ладан йывăç тăрринче
Рай кайăксем юрлаççе.*

Три ангела идут по дороге,
Его [имя] в рай хотят забрать.
По неровной дороге идут.
Райская река, медовая река,
Медовые реки текут.
Между медовыми реками
Стоят деревья ладана.
На деревьях ладана
Золотые птицы поют ⁷.

Ситуация с фольклоризованными православными песнопениями не столь однозначна. Православные молитвы (тропарь и кондак Рождества, тропарь Пасхи,

⁷ Духовный стих записан Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, М. М. Андреевой в июле 2003 г. в с. Чуваша Северного района Новосибирской области от М. Н. Голубевой, 1932 г. р. Расшифровка текста и перевод выполнены Е. В. Федотовой.

Трисвятое, тропарь Кресту и т. п.) звучат в фольклорном, часто обрядовом контексте (во время поздравительных обходов на Рождество и Пасху, при совершении похоронных обрядов) и таким образом становятся включенными в народную культуру. При этом под воздействием фольклорной среды бытования в них происходят заметные изменения на уровне текста и особенно напева [Исмагилова, 2014, с. 131]. Однако исполнители всегда осознают, что эти произведения – образцы иной по происхождению, богослужебной природы. При этом, на наш взгляд, для создания объективной картины существования фольклорной традиции в XX столетии варианты православных песнопений, функционирующие в ней по законам народно-песенных произведений, также следует учитывать и описывать.

Изучение песенной традиции сибирских чувашей будет неполным без рассмотрения ее локальных, чисто сибирских черт бытования. Несмотря на действие консервативной, охраняющей тенденции, естественной в условиях диаспоры, сибирская специфика формируется и проявляет себя на разных уровнях. Прежде всего, это наличие переселенческих песен – жанра, родившегося еще в Чувашии, но оказавшегося весьма актуальным для чувашей и на сибирской земле. Эти песни чуваше слагали в процессе своего вынужденного переселения с родины на новые, необжитые территории вследствие различных трудных жизненных обстоятельств: малоземелья и невозможности прокормить семью в Поволжье, голода 1921 г., освоения целинных земель, репрессий, плановых переселений 1950–1970-х гг. [Федотова, 2009, с. 65]. Тексты песен свидетельствуют о драматических судьбах их исполнителей, об их эмоциональных переживаниях, вызванных отрывом от родной земли и обжитых мест и трудностями адаптации к сибирским условиям (*Ирёксёрех килес пулчĕ çак Сибире* ‘Невольно пришлось переселиться в Сибирь’; *Килте пурăнма май çуккипе тухса килтĕм Сибире* ‘От того, что нет возможности жить дома (на родной земле), я приехал(а) в Сибирь’; *Çĕнĕр вăрман – аслă вăрман, манăн атте вырăнĕче. Йывăç тĕми хваттер ярĕ, вăл та ман юлташ пулĕ* ‘Сибирский лес – великий лес, он мне вместо отца. Кустарник пустит на квартиру и он (хотя бы кустарник) будет мне другом’; и т. п. (см.: [Там же, с. 66, 67]). Наряду с автобиографическими рассказами и воспоминаниями потомков чувашских переселенцев, эти песенные образцы звучат вплоть до настоящего времени, пользуются любовью своих исполнителей и слушателей и придают особый колорит фольклорной традиции сибирских чувашей.

Среди известного нам песенного материала обращают на себя особое внимание два образца, в которых исполнительница вслед за чувашским текстом воспроизводит свой собственный перевод каждой песни на русский язык, самостоятельно адаптируя его к чувашской мелодии. Приведем здесь один из них – гостевую песню *Урамĕсем аслă*⁸. Подобные случаи к настоящему моменту не зафиксированы на территории чувашской метрополии. Можно сказать, что эти двуязычные образцы – чисто сибирское явление, возникшее в результате желания чувашской песенницы сделать понятными свои родные песни русским соседям.

⁸ Настоящий образец записан Е. И. Жимулевой и М. М. Андреевой в июне 2005 г. в с. Сидоровка Колыванского района Новосибирской области от К. П. Акимовой, 1926 г. р. Расшифровка текста выполнена Е. В. Федотовой, нотирование – автором статьи.

Урамәсем аслă

$\text{♩} = 115-127$

У - ра - мә - рсем а - слă, су - ртăр сӳ - лӗ,
 Сурт су - мми - пе са - дăр и - ле - мле
 Сурт су - мми - пе са - дăр и - ле - мле
 Сад хă - мми - не я - рса сă - ра ту - сан
 Ю - рла - ю - рла ё - сни и - ле - мле
 Ю - рла - ю - рла ё - сни и - ле - мле.
 У - ли - ца ши - ро - ка, дом вы - со - кай,
 Во - зле до - ма сад кра - си - вай,
 Во - зле до - ма сад кра - си - вай.
 Са - до - ву - ю хме - лю пи - во сва - рить,
 Петь и ве - се - ли - тся кра - си - ва,
 Петь и ве - се - ли - тся кра - си - ва.

О специфике бытования чувашского фольклора в условиях иноэтнического окружения свидетельствует и широкое распространение уже упомянутых лирических песен с чувашскими текстами и русскими по происхождению напевами. Факт исполнения подобных произведений в Сибири подтверждает мнение выдающегося исследователя чувашской народной музыки М. Г. Кондратьева: «особенно ощутимы следы контактного влияния в культуре чувашской диаспоры» [Кондратьев, 2007, с. 150].

Была обнаружена также практика пассивного хранения песен, выученных еще «дома», в Чувашии. Так, например, Зоя Дмитриевна Почувалова, ныне проживающая в селе Песочно-Дубровка Кожевниковского района Томской области, ис-

полнила гостевые и лирические песни, которые она в 1971 г. привезла со своей родины, но в Сибири уже не пела. Причинами подобной практики пассивного хранения являются разрозненное проживание носителей традиции среди смешанного, разноэтнического населения, а также общий процесс разрушения и забвения народно-песенной культуры во второй половине XX столетия.

Этот процесс утраты традиционной культуры, повсеместно происходящий в XX – начале XXI в., можно проследить при сравнении имеющихся в нашем распоряжении разновременных сибирско-чуваших записей, выполненных на протяжении совсем небольшого периода времени – с 2002 по 2013 г. Если в 2002–2003 гг. нами было зафиксировано довольно большое количество традиционных песенных образцов, в том числе произведений обрядового фольклора, то в 2013 г. потомки чувашских переселенцев делились с нами в основном своими воспоминаниями о жизни фольклорной традиции во времена их детства (а также пересказывали воспоминания своих родителей и других старших родственников), однако песен они, за редким исключением, исполнить уже не могли. Если же песни и звучали, то в основном это были образцы позднего фольклора, с преобладанием произведений из репертуара народных хоров. Одной из причин столь заметного контраста среди фольклорных записей начала XXI в. нам представляется резко обозначившаяся смена поколений носителей традиции. Если в 2002–2003 гг. у исследователей была возможность поработать с носителями традиции 1920-х – начала 1930-х годов рождения, бывшими свидетелями живого бытования фольклора, то в 2010-е гг. нашими информантами стали люди, родившиеся в конце 1930-х – 1940-х гг., чье детство и юность пришлось на войну и тяжелые послевоенные времена. Обрядовая практика к середине XX в. уже претерпела существенную эрозию, песенный фольклор постепенно уходил из активного бытования. Поэтому представители более позднего поколения уже почти не застали былую богатую фольклорную традицию и в основном знали о ней от старших родственников. Тем ценнее для нас являются полевые материалы, зафиксированные в 1990-е – начале 2000-х гг. от выдающихся чувашских песенниц – Елены Васильевны Львовой (Колыванский район Новосибирской области, 1913 г. р.), Екатерины Егоровны Никитиной (Казачинский район Красноярского края, 1923 г. р.), Татьяны Акимовны Слепченко (Северный район Новосибирской области, 1925 г. р.), Клавдии Павловны Акимовой (Колыванский район Новосибирской области, 1926 г. р.), Анны Степановны Батмановой (Прокопьевский район Кемеровской области, 1929 г. р.), Марии Николаевны Голубевой (Северный район Новосибирской области, 1932 г. р.).

Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что при неизбежном процессе утрате традиции чувашский песенный фольклор на сибирской земле сохранялся на протяжении всего XX в.; рудименты его бытуют вплоть до настоящего времени. Лучшей степенью сохранности отличаются жанры необрядового фольклора – гостевые и лирические песни, чувашские частушки. При этом зафиксированные образцы обрядового фольклора свидетельствуют о проведении в Сибири в первой половине XX в. почти всех основных праздников чувашского народного календаря, а также о бытовании на протяжении столетия многих произведений жизненного цикла.

Укажем, что уровень сохранности традиции в разных местностях неодинаков. Он выше в случаях компактного проживания групп чувашей, чьи родители или они сами являлись носителями одной традиции еще на территории чувашской метрополии, а также в ситуациях определенной обособленности чувашского населения от иноэтнического окружения (русских, белорусов, немцев и др.). Песенный фольклор лучше сохранился в местностях, заселенных чувашами в более ранний период (в первые десятилетия XX в.), поскольку в подобных населенных пунктах фольклорная традиция существовала и передавалась, как правило, в те-

чение нескольких поколений. Под воздействием этих и многих других факторов складываются микролокальные очаги песенной традиции сибирских чувашей, формируя собой общую картину бытования чувашской народной культуры в Сибири.

Выявлены также локальные особенности изучаемой традиции – это популярность переселенческих песен, широкое распространение песен с заимствованными сюжетами и напевами, а также бытование двуязычных песен, тексты которых звучат на чувашском и русском языках.

Среди перспектив дальнейшего исследования – характеристика поэтических текстов песен сибирских чувашей, составление культурологических комментариев к ним и выполнение структурно-типологического анализа напевов всего корпуса нотированных образцов⁹. Немаловажным представляется также поиск вариантов чувашских песен сибирского бытования, зафиксированных на территории чувашской метрополии, в Поволжье. Предпринятый на их основе сравнительный анализ текстов и напевов песенных образцов позволит максимально подробно проследить и изучить трансформации, произошедшие с произведениями чувашского фольклора в условиях сибирской диаспоры.

Список литературы

Андреева М. М. Чувашский фольклор // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. С. 69–77.

Жимулева Е. И. Чувашские переселенцы в Сибири (по материалам экспедиций в Северный и Колыванский районы Новосибирской области) // Мельниковские чтения: Материалы II региональной науч.-практ. конф., Новосибирск, 24–26 февр. 2005 г. Новосибирск, 2007. С. 285–289.

Жимулева Е. И. Экспедиционные исследования фольклора чувашей Сибири // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2008. С. 335–343.

Жимулева Е. И. Традиционная музыка чувашей Сибири в аспекте межнационального взаимодействия // Художественно-творческое наследие народа в современном фольклорном исполнительстве / Под ред. М. Г. Кондратьева. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 58–63.

Исмаилова Е. И. Рекрутские песни в фольклорной традиции сибирских чувашей // Чуваш и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф., Чебоксары, 15–16 нояб. 2011 г. / Сост. и отв. ред. В. П. Иванов. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 263–275.

Исмаилова Е. И. Русские песни поздней традиции в музыкальном фольклоре чувашей Сибири // *Rach sonoris*. 2013. Вып. 7. С. 14–20.

Исмаилова Е. И. Песнопение «Трисвятое» в похоронных обрядах тюркских народов Сибири (шорцев, хакасов, чувашей) // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 29, ч. 2. С. 127–136.

Кондратьев М. Г. Степан Максимов: Время. Творчество. Масштаб личности. Чебоксары, 2002.

Кондратьев М. Г. Российский период истории устной музыки чувашей: о чувашско-русских этномызыкальных параллелях // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории: Сб. ст. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 141–178.

⁹ Анализ звуковысотной организации песен сибирских чувашей частично уже принят в магистерской диссертации В. Л. Скакуна [Скакун, 2015].

Кондратьев М. Г. Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007.

Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири (формирование и культурная адаптация). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003.

Леонова Н. В. К проблеме изучения фольклора неславянских переселенцев Сибири // Мельниковские чтения: Материалы VII межрегиональной науч.-практ. конф., Новосибирск, 19 февр. 2015 г. / Под ред. Н. В. Леоновой. Новосибирск: Изд. НГОНБ, 2015. С. 53–56.

Матвеев Г. Б., Федотова Е. В. Чуваши юга Тюменской области. Чебоксары, 2016. 288 с. (Чуваши в современном мире: История и культура).

Скакун В. Л. Звуковысотная организация чувашских песен сибирского бытования: Магист. дис. Новосибирск, 2015.

Федотова (Ермилова) Е. В. Жанр переселенческих песен и его место в фольклорном исполнительстве (на материале современных записей) // Художественно-творческое наследие чувашей в современном фольклорном исполнительстве. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 64–69.

E. I. Ismagilova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; zhimul@ngs.ru*

The present state of the song folklore of the Chuvashes of Siberia

The paper considers the degree of preservation of Chuvash-Siberian song tradition, its genre composition, and local features. The history of folklore records of Chuvash settlers is traced, the characteristic of collected material is given, and the genre system of song samples recorded in Siberia is built. From 2002 to 2013, 13 expeditions were accomplished in the different districts of Novosibirsk, Tyumen, Kemerovo, Omsk and Tomsk regions, Krasnoyarsk and Altai territories. The significant amount of audio and video records of song sample performances, as well as large volume of information about the ethnographic context of the existence of Siberian Chuvash songs, were collected. Despite the inevitable loss process, the Chuvash song folklore has been preserved on Siberian land during the entire XX century and some compositions exist until the present time. The best degree of preservation is distinguished for the genres of non-ritual folklore – lyrical, guest, dance tune, jocular songs, Chuvash humorous rhymes; the number of samples of these genres by more than two times exceeds the number of songs having the ritual dedication. The samples of ritual folklore recorded in smaller amounts testify about the carrying of almost all the main holidays of Chuvash folk calendar in Siberia in the first half of XX century, and also about the existence of many compositions of the family cycle. Besides that, the Chuvash variants of Russian songs of the later tradition were recorded. These compositions, adopted from the Russian folklore tradition, have strongly anchored in the Chuvash song culture. Their texts and tunes were significantly transformed by the folk performers. To create an objective impression about the existence of Chuvash folk culture in Siberia in XX century, the samples of Orthodox Christian chants, which sounded in the folklore context and have been subjected to considerable folklorization, should also be taken into account. The local specific is being formed in the Siberian Chuvash song tradition. It does express itself in the performance of the re-settlers songs, in a wide distribution of the songs with adopted subjects and tunes, singular samples of the bilingual songs, texts which sound in the Chuvash and Russian languages. Among the perspectives of further study is the structural and typological analysis of the tunes, and also the search for the Chuvash songs existing in Siberia, which were originally recorded at the Chuvash metropolitan territory, in the Volga region. The comparative analysis of texts and tunes of the songs samples undertaken on their basis will allow us to follow and study as much as possible the transfor-

mations that have occurred with the compositions of Chuvash folklore under the conditions of the Siberian diaspora.

Keywords: Folklore of Siberian settlers, Chuvash folk music, folk songs, Folklore Memorials of the Peoples of Siberia and of Far East.

DOI 10.17223/18137083/59/2

References

- Andreeva M. M. Chuvashskiy fol'klor [Chuvash folklore]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t. T. 1: Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura narodov Sibiri. Kn. 2: Traditsionnaya kul'tura sibirskikh pereselentsev* [Musical culture of Siberia: in 3 vols. Vol. 1: Traditional musical culture of the peoples of Siberia. B. 2: Traditional culture of the Siberian immigrants]. Novosibirsk, 1997, pp. 69–77.
- Fedotova (Ermilova) E. V. Zhanr pereselentskikh pesen i ego mesto v fol'klornom ispolnitel'stve (na materiale sovremennykh zapisey) [The genre of immigrant songs and its place in folklore performance (on the basis of modern records)]. In: *Khudozhestvenno-tvorcheskoe nasledie chuvashy v sovremennom fol'klornom ispolnitel'stve* [Artistic and creative heritage of the Chuvashes in modern folklore performance]. Cheboksary, ChGIGN, 2009, pp. 64–69.
- Ismagilova E. I. Rekrutskie pesni v fol'klornoy traditsii sibirskikh chuvashy [Recruiting songs in the folklore tradition of Siberian Chuvashes]. In: *Chuvashi i ikh sosedi: etnokul'turnyy dialog v prostranstvenno-vremennom kontinuumе: materialy mezhr regional'noy nauch.-prakt. konf.* [Chuvash and their neighbors: ethnocultural dialogue in the space-time continuum: materials of the inter-regional scientific and practical conference]. Cheboksary, 2012, pp. 263–275.
- Ismagilova E. I. Russkie pesni pozdney traditsii v muzykal'nom fol'klоре chuvashy Sibiri [Russian songs of late traditions of the Siberian Chuvash musical folklore]. In: *Pax sonoris. Nauchnyy zhurnal. Vyp. VII* [PAX SONORIS. Science Magazine. Iss. 7]. Astrakhan, 2013, pp. 14–20.
- Ismagilova E. I. Pesnopenie “Trisvyatoye” v pokhoronnykh obryadakh tyurkskikh narodov Sibiri (shortsev, khakasov, chuvashy) [The song “Trisagion” in the funeral rites of the Turkic peoples of Siberia (Shorians, Khakas, Chuvashes)]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2014, no. 29, pt 2, pp. 127–136.
- Kondrat'ev M. G. *Stepan Maksimov: Vremya. Tvorchestvo. Masshtab lichnosti* [Stepan Maksimov: Time. Creation. The scale of the individual]. Cheboksary, 2002.
- Kondrat'ev M. G. Rossiyskiy period istorii ustnoy muzyki chuvashy: o chuvashsko-russkikh etnomuzykal'nykh parallelyakh [Russian period in the history of music of oral Chuvash: about Chuvash-Russian Ethnomusical parallels]. In: *Chuvashskoe iskusstvo: Voprosy teorii i istorii. Sbornik statey. Vyp. 5: Mezhnatsional'noe prostranstvo khudozhestvennoy kul'tury* [Chuvash Art: Theory and history. Digest of articles. Iss. 5: Inter-ethnic space of culture]. Cheboksary, ChGIGN, 2003, pp. 141–178.
- Kondrat'ev M. G. *Chuvashskaya muzyka: ot mifologicheskikh vremen do stanovleniya sovremennogo professionalizma* [Chuvash music: from mythological times to the emergence of modern professionalism]. Moscow, PER SE, 2007.
- Korovushkin D. G., Lotkin I. V., Smirnova T. B. *Neslavyanskije etnodispersnye gruppy v Zapadnoy Sibiri (formirovaniye i kul'turnaya adaptatsiya)* [Non-Slavic ethnodispersed groups in Western Siberia (formation and cultural adaptation)]. Novosibirsk, IAET SB RAS publ., 2003.
- Leonova N. V. K probleme izucheniya fol'klora neslavyanskikh pereselentsev Sibiri [On the problem of the study of folklore of non-Slavic migrants in Siberia]. In: *Mel'nikovskie chteniya: Materialy sed'moy mezhr regional'noy nauchno-prakticheskoy konf., Novosibirsk, 19 febr. 2015 g.* [Melnikov's readings: Proceedings of the Second Regional Scientific and Practical Conf., Novosibirsk, 19 Febr. 2015]. N. V. Leonova (Ed.). Novosibirsk, Izd. NGONB, 2015, pp. 53–56.
- Matveev G. B., Fedotova E. V. *Chuvashi yuga Tyumenskoy oblasti* [Chuvash of the south of the Tyumen region]. Cheboksary, 2016, 288 p. (Chuvashi v sovremennom mire: Istoriya i kul'tura [Chuvashi in the Modern World: History and Culture])
- Skakun V. L. *Zvukovysotnaya organizatsiya chuvashskikh pesen sibirskogo bytovaniya: Magist. diss.* [Sound organization of Chuvash songs of Siberian existence: Master's diss.]. Novosibirsk, 2015.

Zhimuleva E. I. Chuvashskie pereselentsy v Sibiri (po materialam ekspeditsiy v Severnyy i Kolyvanskiy rayony Novosibirskoy oblasti) [Chuvash settlers in Siberia (based on expeditions to the North and parts of Kolyvan Novosibirsk region)]. In: *Mel'nikovskie chteniya: Materialy vtoroy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Novosibirsk, 24–26 fevr. 2005 g.* [Melnikovsky reading: Proceedings of the Second regional scientific and practical conference. Novosibirsk, 24–26 Febr. 2005]. Novosibirsk, 2005, pp. 285–289.

Zhimuleva E. I. Ekspeditsionnye issledovaniya fol'klora chuvashy Sibiri [The expedition studies of Siberian Chuvash folklore]. In: *Aktual'nye problemy sibirskoy fol'kloristiki: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Actual problems of the Siberian folklore: Proceedings of the All-Russian Sci. Conf.]. Novosibirsk, 2008, pp. 335–343.

Zhimuleva E. I. Traditsionnaya muzyka chuvashy Sibiri v aspekte mezhetnicheskogo vzaimodeystviya [Traditional music of Siberian Chuvashes in the aspect of interethnic interaction]. In: *Khudozhestvenno-tvorcheskoe nasledie naroda v sovremennom fol'klornom ispolnitel'stve* [Artistic and creative heritage of the people in the modern folk performing art]. M. G. Kondrat'ev (Ed.). Cheboksary, ChGIGN, 2009, pp. 58–63.